

Жанр элегии в лирике А. Фета

Русская элегия, пережившая расцвет в эпоху романтизма, продолжала существовать в литературе в качестве одного из жанров. Исследователи элегического жанра (Л. Я. Гинзбург, Л. Флейшман, В. Э. Вацуро) наметили пути трансформации элегии, связанные с тенденцией к конкретизации лирического переживания. У Фета наметились иные перспективы развития элегического жанра, обусловленные изменениями художественного мышления.

Ранние элегии Фета (40-50-е гг.) ориентированы на цитатный, реминисцентный принцип. В них узнаваемы образы, мотивы, ситуации элегии начала XIX в. Так, элегия *«О, долго буду я, в молчанье ночи тайной...»* [1844] напоминает батюшковскую или пушкинскую. Недавние события оживают в памяти героя и как бы заново проигрываются. Сюжет элегии - погружение в память, что явно отсылает к ситуации древних мифов, связанных с поисками утраченной возлюбленной (путешествие в Аид за тенью Эвридики). Этапы сюжета - ступени спуска. Элегия сохраняет очертания ситуации «у черты» - эта ситуация и определяет жанровый архетип (элегия происходит от заплачки, плача, а обозначенные мотивы сохраняются в элегии нового времени как структурообразующие). Сюжет последовательно развоплощает облик возлюбленной: пластика образа сменяется эхом-отзвуком ее слов в душе, наконец, в финале возникает ситуация вызывания тени из небытия - выкликание по имени. Ситуация «у черты», к которой подведено действие в элегии в финале, становится символическим обозначением состояния, владеющего лирическим «я». Магический акт выкликания по имени совпадает с полным погружением героя в глубины памяти («наперекор уму»). Таким образом, элегия Фета воспроизводит логику влюбленного, который, проигрывая ситуации. Недавней встречи с возлюбленной, как бы переписывает ее заново, растворяясь в минувшем, погружаясь в него и в то же время веря в идеальное, к которому эта ситуация уже возведена.

Так, в сознании Фета отчетлив «диалог культуре»; цитируя известное, он дает свой, оригинальный вариант художественного решения элегической темы, при этом сохраняя ощущение безыскусственности формы.

В дальнейшем в поэзии Фета складывается система слов-сигналов, т.е. знаков элегической темы, элегической формы. Принцип этот можно обозначить как номинативный, а его функцию - внушение читателю ощущения жанра - назвать музыкальной, ассоциативной. К таковым относится «мечта» - слово, создающее настроение в элегии XIX в. и определяющее ее структуру (*«Когда мои мечты за гранью прошлых дней Найдут тебя опять за дымкою туманной...»* [1844: 65], *«Когда мечтательно я предан тишине...»* [1847: 66] и т.д.).

Аналогичную функцию выполняют понятия, синонимичные мечте в контексте фетовской поэзии (сон, греза, бред, безумие, опьянение и т.д.); все они так или иначе несут тему «отказа от ума», от «рацио» и являются обозначением бытийного принципа Фета «стать природой». Именно этот прием «изнутри» перестраивает элегию. Так, в элегиях 70-х гг. отмечается сосуществование двух логик: логики объективного мира и логики мифологической, отражающей восприятие поэтом мира после смерти возлюбленной и способного пережить воскресение. Линейное движение замыкается в элегии в круговое, являясь выражением «вечного возвращения» - закона мифологической логики. «Оглядка» - воспоминание – воссоздается в логике влюбленного, чувство которого не исчезает со смертью любимой женщины. Рассвет в контексте стихотворения - символический образ, сопрягающий воедино человека и природу. Согласно мифологической логике, мир - производное красоты возлюбленной, ее улыбки (в подтексте сохраняется ассоциативная связь с мифом о Деметре, утратившей, а затем обретшей дочь - Персефону); улыбка - древняя метафора цветения. Парадоксальный с точки зрения обыденного сознания финал (устремленность в небытие) отнюдь не парадоксален с точки зрения законов элегии – путешествие в загробный мир и есть искомое воскресение души, обретшей утраченную любовь, замыкание цикла, возвращение к первоистокам. Логике ума противостоит логика сердца в элегии «*Alter ego*». [1879]. Двойничество («я» и возлюбленная) реализовано принципом зеркальности: физическое старение сердца парадоксально ведет к омоложению души через неизбежную память. И вновь мифологическая логика преобладает над обыденной.

Опубликовано: Проблемы современного изучения русского и зарубежного историко-литературного процесса: мат. XXV Зональной конференции литературоведов Поволжья и Бочкаревских чтений (22-25 мая 1996 г.). Самара, 1996. С. 64-66.